

АРХЕОЛОГИЯ

ГЛИНЯНЫЕ ГРУЗИЛА ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ (энеолит и ранний бронзовый век)

Е. Н. Волков

Суммируется материал по керамическим грузилам, бытовавшим на территории Тюменского Притоболья в энеолите и на начальном этапе бронзового века. Особое внимание уделяется культурной и хронологической атрибуции разнотипных керамических грузил. Предлагается гипотеза, согласно которой наиболее ранними являются изделия стержневидной формы, получившие хождение в среде носителей раннелыбаевской и шапкульской культур. Происхождение грузил с раздвоенными концами («моталки») связывается с проникновением в регион носителей липчинского орнаментального стереотипа, сигаровидных изделий — с населением андреевской культуры, а время бытования биконических грузил ограничивается памятниками байрыкско-позднелыбаевского круга. Автор полагает, что керамические грузила обладают культурно-диагностирующим значением лишь на начальных этапах своего существования, а впоследствии становятся неотъемлемой частью материальной культуры носителей иных стереотипов, развивавшихся в лесостепном и подтаежном Притоболье в энеолите — раннем бронзовом веке.

Керамическое грузило, энеолит, ранний бронзовый век, стержневидные грузила, биконические грузила, «моталки», сигаровидные грузила, андреевская культура, лыбаевская культура, шапкульская культура, липчинская культура, байрыкская культура, имбиряйский тип памятников, Тюменское Притоболье, северная лесостепь, подтаежная полоса.

Около 40 лет назад М. Ф. Косарев произвел систематизацию древнейших керамических грузил Нижнего Притоболья, обобщив практически все известные источники [1979]. Несмотря на значительный временной интервал, отделяющий нас от момента написания этой работы, она не потеряла своей ценности. Однако за истекший период в Тюменском Притоболье исследовано значительное число энеолитических объектов, выделены новые культуры и культурные типы [Волков, 2002, 2005–2007; Зах, 2006]. Это заставляет еще раз обратиться к обозначенной проблеме с целью попытки хронологической и культурной интерпретации разнотипных керамических грузил, бытовавших на энеолитических и «раннебронзовых» памятниках региона.

Приступая к исследованию, следует определить культурный фон, характеризующий рассматриваемую территорию. До последнего времени здесь выделялись шапкульские, липчинские и андреевские древности, а также памятники байрыкского типа (см., напр.: [Ковалева, 1995; Косарев, 1979; Старков, 1980; Чаиркина, 1997]). Вместе с тем единой точки зрения относительно орнаментальной специфики липчинской культуры не существовало. Часть ученых соотносила с данными комплексами лишь сосуды, декорированные в «ложношнуровом» стиле¹ (см., напр.: [Косарев, 1979. С. 16]). Альтернативная точка зрения основывалась на выводе о двусоставном характере липчинских памятников, включающих керамику, орнаментированную в отступающе-накольчатой и гребенчатой манерах (см., напр.: [Старков, 1980. С. 146–157]).

Изыскания последних лет позволили пересмотреть периодизационные и историко-культурные модели предшествующего времени [Волков, 2002, 2005–2007; Зах, 2006]. Согласно точке зрения автора статьи, культурно-исторические процессы в северолесостепной и подтаежной зонах Притоболья имели однонаправленный, но не идентичный характер (рис. 1).

Раннеэнеолитическое время в лесостепной полосе региона представлено памятниками бузанского этапа лыбаевской культуры. По нашему мнению, рассматриваемый период датируется с последней четверти IV по первую четверть III тыс. до н. э. [Волков, 2006, 2007].

При раскопках могильника Бузан 3 найдены фрагменты нескольких грузил в основном сигаровидной формы. Однако принадлежность данных находок к основному комплексу памятника

¹ Именно с этой позиции М. Ф. Косарев рассматривает возможную культурную принадлежность части глиняных грузил региона [1979].

Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век)

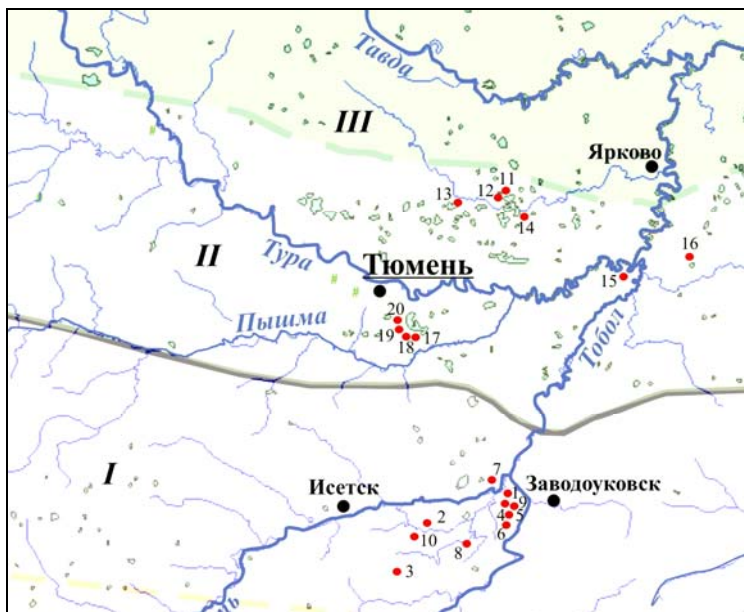


Рис. 1. Памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века Тюменского Притоболья:

- I — северная лесостепь; II — подтаежная полоса; III — южная тайга; 1 — Бузан 3; 2 — Сазык 9; 3 — Липихинское 5; 4 — Остров 2а; 5 — Старолыбаево 4а; 6 — Старолыбаево 7а; 7 — Оськино Болото; 8 — Нижнеингальское 3а; 9 — Двухозерное 1; 10 — Верхне-Ингальский Борок 2; 11 — Шапкуль 1; 12 — Малый Барашек 1; 13 — Велижаны 1; 14 — Байрык 16; 15 — Чечкино 2; 16 — Средний Баклан 1; 17 — ЮАО 12; 18 — ЮАО 13а; 19 — 2-я Андреевская стоянка; 20 — 1-я Андреевская стоянка

не является бесспорной, так как ни в одном из погребений грузил обнаружено не было. Они залежали главным образом на межмогильном пространстве. О возможности асинхронности грузил с раннеэнеолитическим комплексом объекта косвенно свидетельствуют следующие наблюдения. В коллекции могильника наравне с раннелыбаевской присутствует керамика, сопоставимая с посудой начального этапа бронзового века, на протяжении которого изделия рассматриваемых форм имели широкое хождение (см., напр.: [Ковалева, 1997; Волков, 2004]). Еще одним косвенным свидетельством, позволяющим предполагать более поздний возраст данных находок либо части из них по отношению к лыбаевскому комплексу, является факт локализации поселка андреевской культуры на южной оконечности останца Бузан, что не исключает вероятной связи между грузилами, происходящими из отложений могильника, и носителями ямочно-гребенчатого декоративного стереотипа.

Семь предметов — изделия с раздвоенными концами («моталки»), стержневидные и сигарообразные орудия обнаружены при раскопках поселения Липихинское 5 (рис. 2) [Волков, Чикунова, 2006]. Однако связь данных предметов с раннелыбаевским комплексом не бесспорна. Так, на площади объекта встречена посуда, сопоставимая с «раннебронзовыми» имбиряйскими древностями [Там же], вследствие чего нельзя исключать вероятность соотнесения серии либо ее части с более поздним временем.

Отметим, что несколько глиняных предметов «стержневидной» формы получены при исследовании поселения Сазык 9 [Усачева, 2002. С. 106].

Таким образом, на двух из трех раннелыбаевских объектов присутствуют стержневидные изделия (рис. 2), имеющие «подпрямоугольное» либо «подквадратное» сечение. Если на поселении Сазык 9 соотнесение серии «стержней» с лыбаевским комплексом сомнений не вызывает, то их связь с энеолитическими отложениями поселка Липихинское 5 устанавливается лишь на основании косвенных данных. Главным из них является факт полного преобладания лыбаевской посуды над незначительной серией начального этапа эпохи бронзы² [Волков, Чикунова,

² Материалы эпонимного памятника Имбиряй 1 свидетельствуют, что его население практиковало использование всех известных типов керамических грузил: стержневидных, «моталок», биконических и сигаровидных [Волков, Ведерников, 2001; Волков, 2004].

2006]. Подчеркнем, что не все исследователи рассматривают подобные изделия как грузила (см., напр.: [Ковалева, 1995. С. 35; Усачева, 2002. С. 106]). Тем не менее широкое бытование подобных предметов на поселении Имбиряй 1 [Волков, 2004] совместно с изделиями, интерпретация которых как грузил сомнений не вызывает, на наш взгляд, не исключает значительной вероятности их соотнесения с орудиями рыбного промысла.

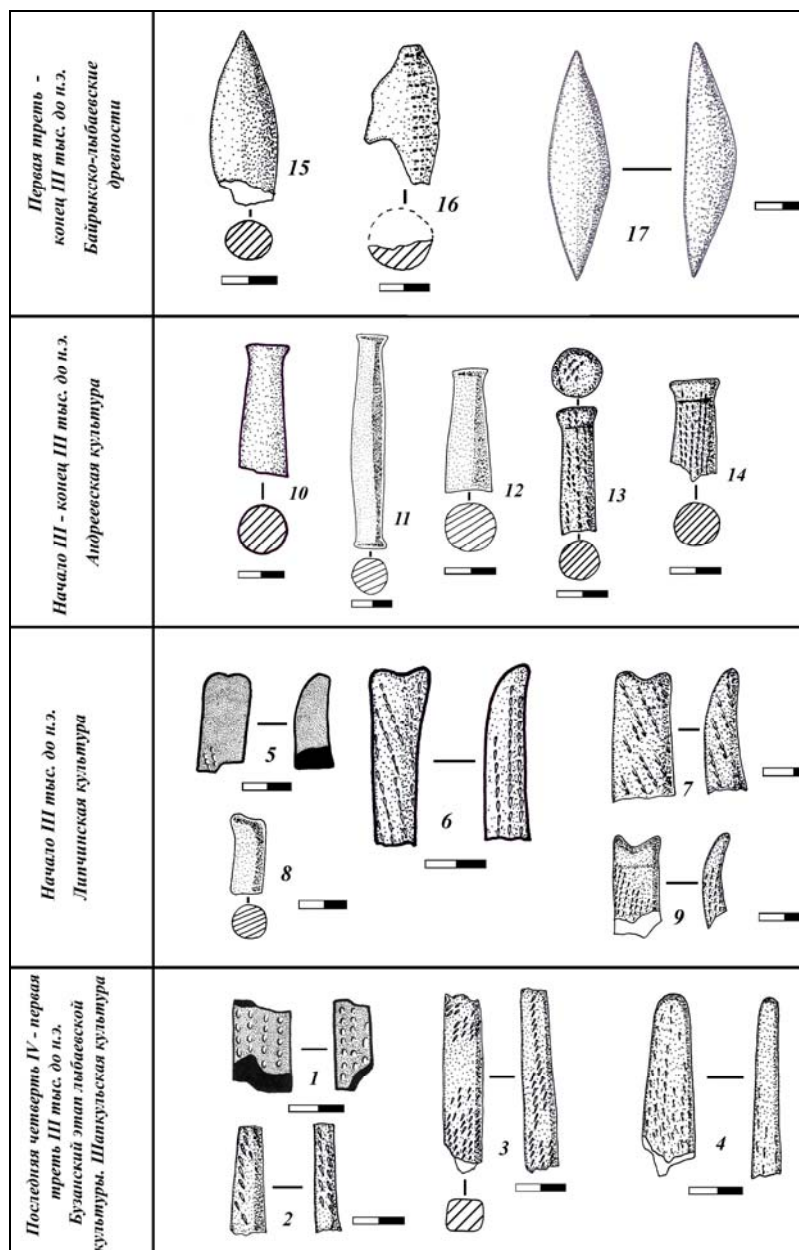


Рис. 2. Керамические грузила с памятников эпохи энеолита и раннего бронзового века Тюменского Притоболья:

1, 5 — Липихинское 5; 2–4, 7–9, 11–17 — Имбиряй 1; 6, 10 — Ипкуль 1

Синхронно с раннелыбевскими комплексами в подтаежных областях региона развивались памятники шапкульской культуры, представленные поселениями Шапкуль 1, Малый Барашек 1 и Чечкино 2 [Волков, 2006, 2007; Зах, 2006; Старков, 1980]. Отметим, что автор исследования эталонных шапкульских памятников Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 В. Ф. Старков не приводит никакой информации относительно наличия в их отложениях керамических грузил [1976; 1980.

Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век)

С. 158–165]. При выборке вторичного заполнения жилища 1 поселения Чечкино 2 получена репрезентативная серия биконических орудий рыбного промысла [Зах, 2002. С. 26]. Однако, учитывая многослойный характер памятника, данную выборку логично связать с носителями гребенчато-ямочного и «крупнонакольчатого» стереотипов. Таким образом, материалы достоверных шапкульских памятников не позволяют в настоящий момент времени говорить о бытовании на них керамических грузил.

В начале III тыс. до н. э. обстановка в регионе, особенно в его северных областях, претерпевает изменения, связанные с появлением немногочисленных групп липчинского населения. Вероятно, в это же время или несколько позже здесь начинают функционировать памятники андреевской культуры [Матвеева и др., 2005]. Однослойные липчинские памятники в Притоболье практически не представлены. К их числу, пожалуй, следует отнести материалы раскопа 2 поселения Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995], ранние отложения Мысовского комплекса и коллекцию поселения Байрык 1б (см., напр.: [Волков, 2005, 2006; Косарев, 1979]). Однако сведения относительно использования керамических орудий рыбного промысла в это время весьма ограничены. Не вызывает особых сомнений лишь факт корректного соотнесения репрезентативной серии грузил с раздвоенными концами («моталок») (рис. 2) с липчинскими отложениями поселения Байрык 1б [Косарев, 1979]. На остальных памятниках, атрибуция которых как «чистых» липчинских не вызывает особых сомнений, керамических грузил обнаружено не было [Асташкин и др., 1995; Волков, 2006, 2007].

Следующий этап эпохи энеолита, по нашему мнению, связан с интервалом, ограниченным первой третью — концом III тыс. до н. э [Волков, 2005–2007; Матвеева и др., 2005]. В северолесостепных районах в это время функционировали памятники позднего (двухозерского) этапа лыбаевских древностей, а также комплексы, оставленные носителями андреевской культуры. Материалы памятников подтаежной полосы, исключая андреевские, были объединены В. А. Захом в особый, байрыцкий тип [2006], существенно отличающийся от охарактеризованного М. Ф. Косаревым, впервые использовавшим данный термин [1979]. Отметим, что значительное сходство материалов байрыцких и позднелыбаевских древностей уже сейчас позволяет поставить вопрос об их объединении в рамках единой археологической культуры с двумя локальными вариантами: южным — лыбаевским и северным — байрыцким (см., напр.: [Волков, 2009]).

Следует констатировать довольно слабую репрезентативность данной категории материала на абсолютном большинстве энеолитических объектов северной лесостепи. На части из них — Остров 2а и Нижнеингалское 3а глиняных грузил не было обнаружено вообще, что отчасти может быть объяснено ограниченными масштабами раскопок. Отметим, что рассмотренные памятники являются однослойными объектами, не содержащими андреевских культурных отложений (см., напр.: [Волков, 2005, 2006]).

В то же время известен ряд чистых позднелыбаевских комплексов, содержащих ограниченные выборки грузил. К их числу следует отнести поселение Двухозерное 1, из отложений которого происходят фрагмент биконического грузила и уплощенное одножелобчатое³ изделие, характерное для памятников бронзового века [Волков, 2002. Рис. 1], а также поселение Старолыбаево 7, в коллекции которого присутствует фрагмент биконического предмета (рис. 2) рыбного промысла. Не способствуют положительному решению вопроса и материалы одного из наиболее изученных памятников региона — поселения Оськино Болото [Ткачев, Волков, 2002; 2007; Ткачев, Ткачева, 2006], в коллекции которого выявлено всего два предмета, которые могут быть соотнесены с грузилами. Первый представлен обломком со «шляпковидным» утолщением у основания [Ткачев, Ткачева, 2006. С. 243, 244, рис. 2, 14]; однако, по мнению А. А. Ткачева, изделие может представлять деталь миниатюрной катушки позднего бронзового века⁴. Точную форму второго предмета определить не представляется возможным [Там же. С. 244, рис. 2, 15].

На памятниках, содержащих лыбаевские и андреевские отложения, прослеживается более сложная картина. В коллекции поселения Старолыбаево 4а отмечено семь керамических грузил, четыре изделия имеют сигаровидную форму, одно представлено «моталкой» (рис. 2), форма еще двух фрагментов не может быть определена однозначно. Одно сигаровидное грузило получено при сборах с многослойного поселения Верхне-Ингалский Борок 2. Однако при-

³ Данный предмет, вероятно, не связан с энеолитическим комплексом памятника и относится к более позднему времени.

⁴ Устное сообщение А. А. Ткачева. Наиболее репрезентативным материалом памятника является комплекс бархатовской культуры.

надлежность орудия к эпохе медно-каменного века не является бесспорной, так как с площади объекта происходят и артефакты ташковской культуры, в материалах которой грузила сигаровидной формы имели определенное хождение (см., напр.: [Ковалева и др., 2000. С. 54]).

Сказанное выше позволяет сделать заключение, что современная источниковая база свидетельствует о преимущественном использовании позднелыбаевским населением Притоболья грузил биконической формы.

Несмотря на значительную репрезентативность энеолитических объектов в подтаежном Притоболье и достаточно долгую историю их изучения, вопрос о грузилах, использовавшихся носителями байрыкских древностей, остается открытым. Основными моментами, препятствующими выяснению данного аспекта, является многослойный характер абсолютного большинства энеолитических объектов, а также «неопределенный» культурный статус значительной их части, рассматриваемый сквозь стандартную «липчинскую» призму. Материалы жилища 2 поселения Чечкино 1, содержащие скопление из 45 биконических грузил [Зах, 2002], на наш взгляд, несколько преждевременно отнесены к байрыкским древностям [Волков, 2009].

Несколько лучшая ситуация отмечается для памятников андреевской культуры, несмотря на то, что большинство из них имеют многослойный характер. Не приходится сомневаться лишь в «однослойности» поселений Велижаны 1 (раскоп 1) [Асташкин и др., 1995] и жилища 2 поселения Средний Баклан 1 [Зах, Фомина, 1999]. С площади раскопа 1 памятника Велижаны 1 получена серия грузил сигаровидной формы — около 30 экз. Грузила других типов отсутствовали [Асташкин и др., 1995. С. 31]. Согласно данным, приведенным в статье В. А. Заха и Е. А. Фоминой, из отложений поселения Средний Баклан 1, связанных с андреевским слоем, происходит фрагмент сигаровидного грузила [1999].

Ценную информацию о грузилах, бытовавших в среде андреевского населения, представляют и многослойные памятники археологии. Так, значительная коллекция сигаровидных орудий (рис. 2), представленная несколькими скоплениями, получена при раскопках поселения ЮАО 12⁵ [Ковалева, 1995]. Кроме того, из отложений памятника происходят скопления так называемых «моталок» и биконических грузил [Там же] и, возможно, стержневидные изделия.

Скопления сигаровидных грузил выявлены и при исследовании многослойного поселения ЮАО 13а, энеолитические отложения которого, по мнению В. Т. Ковалевой, представлены материалами андреевской и шапкульской культур [1995]. Из отложений памятника также происходит репрезентативная выборка биконических орудий рыбного промысла [Там же].

Значительная выборка сигаровидных грузил получена при исследовании 2-й Андреевской стоянки — около 100 экз. (см., напр.: [Косарев, 1979]), а также в процессе раскопок поселка Ипкуль 8 — около 43 экз. [Там же]. Кроме сигаровидных изделий здесь были отмечены орудия рыбного промысла, имеющие другие формы. Применительно к материалам 2-й Андреевской стоянки можно констатировать факт присутствия здесь «моталок» и грузил биконической формы [Там же. Рис. 1, 1, 10].

Таким образом, логично предположить преимущественное использование носителями андреевской культуры сигаровидных изделий, которые, как правило, в виде значительных скоплений отмечаются на каждом исследованном андреевском поселке. Данное предположение подтверждается материалами и однослойных памятников, и многослойных объектов.

Резюмируя вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существующий фонд археологических источников не обладает необходимой информативностью, что не позволяет поставить все точки над *i* в рамках решения проблемы. Вместе с тем имеющихся данных достаточно для формирования рабочей гипотезы о времени зарождения, эволюции и культурной атрибуции грузил различных форм.

Во-вторых, наиболее логичной представляется гипотеза о том, что ранее остальных на территории лесостепного Притоболья появляются керамические изделия стержневидной формы (рис. 2). Об этом свидетельствуют материалы памятников бузанского этапа лыбаевских древностей [Волков, 2005, 2006]. На поселении Сазык 9 стержневидные предметы — единственный тип изделий [Усачева, 2002]. Близкая картина прослеживается и для поселения Липихин-

⁵ В. Т. Ковалева в публикации материалов памятника [1995] не приводит информации о прочих культурно-хронологических комплексах, сопутствующих андреевскому. Однако, учитывая многослойный характер практически всех памятников, расположенных на южном берегу Андреевского озера, можно с большой долей уверенности предполагать наличие на территории поселения инокультурных объектов, функционировавших в том числе и на протяжении энеолитического времени.

Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век)

ское 5, в коллекции которого стержневидные предметы образуют наиболее репрезентативную группу [Волков, Чikuнова, 2006]. Наличие «моталок» и сигаровидных грузил, возможно, объясняется присутствием в культурном слое имбиряйской керамики начального этапа бронзового века [Волков, 2004; Волков, Чikuнова, 2006].

Применительно к подтаежной полосе Притоболья, где в рассматриваемое время функционировали шапкульские древности, констатируем пока отсутствие прямых данных, свидетельствующих об использовании их носителями керамических грузил [Старков, 1980]. Косвенным свидетельством возможного бытования предметов стержневидной формы в шапкульской среде являются материалы поселения ЮАО 13а, где находки рассматриваемой линии, в том числе и «стержни», видимо в асинхронном плане, представлены совместно с андреевскими [Ковалева, 1995]. Дальнейший генезис данных изделий не совсем понятен. Отметим лишь, что на памятниках последующих этапов эпохи энеолита стержневидные предметы представлены крайне слабо. В то же время значительные серии рассматриваемых изделий связаны с имбиряйскими комплексами начального этапа бронзового века [Волков, 2004, 2007].

В-третьих, появление глиняных грузил с раздвоенными концами, так называемых «моталок» (рис. 2), вероятно, следует связать с достаточно ранними этапами энеолитической эпохи. В литературе продолжительное время господствовала тенденция соотнесения подобных грузил с липчинскими древностями (см., напр.: [Косарев, 1979. С. 17]). Полагаем, что данная точка зрения не потеряла актуальности. Однако прямое соотнесение рассматриваемых грузил с материалами начального этапа эпохи энеолита не может быть признано корректным. В шапкульских комплексах подобных изделий, впрочем, как и грузил других форм, не обнаружено (см., напр.: [Старков, 1980; Зах, 2002]). В то же время «моталки» в ограниченном количестве представлены на многослойных памятниках, где в числе прочих присутствует раннелыбаевский компонент: Бузан 3, Липихинское 5. Тем не менее многослойный характер объектов, где помимо лыбаевских материалов присутствуют андреевские либо имбиряйские серии, позволяет с большой долей вероятности рассматривать данные предметы в рамках более поздних этапов энеолита или начала бронзового века. На данный момент, пожалуй, не вызывает сомнений факт корректного соотнесения репрезентативной серии «моталок» с липчинским комплексом поселения Ипкуль 8 [Косарев, 1979]. Последнее обстоятельство не исключает вероятной связи между появлением в Притоболье грузил с раздвоенными концами и миграцией в регион липчинских групп. Исходя из периодизации эпохи энеолита, предложенной нами, распространение подобных изделий наиболее логично датировать началом III тыс. до н. э. [Волков, 2006, 2007; Матвеева и др., 2005].

В дальнейшем грузила с раздвоенными концами, вероятно, теряют свое культурно-диагностирующее значение, получив распространение в материалах памятников лыбаевско-байрыцкого круга и, возможно, в комплексах андреевской культуры. Время бытования «моталок» не ограничивается рамками медно-каменного века. На начальном этапе эпохи бронзы рассматриваемые изделия получают широкое распространение в материалах ташковской культуры [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000] и памятников имбиряйского типа [Волков, 2004].

В-четвертых, массовое появление в регионе биконических грузил (рис. 2) пока в хронологическом отношении наиболее логично связать с первой третью III тыс. до н. э., а в культурном — с памятниками байрыско-лыбаевского круга. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие рассматриваемых предметов в отложениях раннелыбаевских и шапкульских объектов. В то же время грузила биконической формы достаточно хорошо представлены в материалах позднелыбаевских (Двухозерное 1, Старолыбаево 7 и др.), а также гребенчато-ямочных и крупнокольчатых (Чечкино 2 и др.) комплексов. Рассматриваемые изделия широко представлены и на многослойных поселках, в отложениях которых присутствуют андреевские, байрыцкие и другие материалы. К числу подобных относятся поселения ЮАО 12 и 13а и ряд других. Рассматриваемый тип грузил в большей степени характерен для памятников подтаежной полосы, где они получены в массовом количестве, в том числе в скоплениях (см., напр.: [Косарев, 1979; Ковалева, 1995]). На поселениях северной лесостепи подобные предметы, как правило, представлены единичными экземплярами.

Сказанное предполагает, что, появившись в автохтонных энеолитических комплексах Зауралья⁶ и Притоболья, в дальнейшем биконические грузила получили широкое распростране-

⁶ Биконические грузила довольно хорошо представлены в материалах энеолитических памятников Зауралья, в том числе горно-лесного. В качестве примера можно рассматривать памятники Макуша III и Разбойничий Остров [Чаир-

ние и в материалах андреевской культуры. Период бытования данных изделий не ограничился эпохой медно-каменного века. Биконические грузила продолжают фиксироваться и на ранних стадиях следующего хронологического отрезка — бронзового века, особенно в имбиряйских комплексах [Волков, 2004].

Возвращаясь к хронологической составляющей проблемы, обратим внимание на возможность удревления возраста данных изделий вплоть до раннеэнеолитического времени. Архаичность биконических грузил, которая не раз подчеркивалась, определяется, в частности, отсутствием специальных приспособлений для крепления к сети, а также близостью по форме к древнейшим грузилам-кибасам, известным по раскопкам торфяниковых памятников (см., напр.: [Косарев, 1979. С. 16]). Однако корпус археологических источников, имеющийся к настоящему времени, пока не дает веских оснований для этого применительно к территории Тюменского Притоболья.

В-пятых, происхождение сигаровидных грузил (рис. 2) наиболее логично связать с носителями андреевской культуры, носители которой появляются в Тюменском Притоболье в начале III — первой четверти III тыс. до н. э.⁷ К такому заключению приводят факты постоянного присутствия подобных грузил на «чистых» андреевских памятниках и в составе многослойных объектов, содержащих андреевский культурный компонент. Подобная картина фиксируется на археологических памятниках как в северной лесостепи, так и в подтаежной полосе. Вероятно, что на протяжении последующих отрезков медно-каменного века рассматриваемые изделия получают распространение и в материалах лыбаевско-байрыкских памятников. Грузила сигаровидной формы продолжили свое бытование и на начальном этапе бронзового века. Использование подобных изделий населением ташковской культуры отмечено по материалам поселения ЮАО 13 [Ковалева и др., 2000. С. 54]. В массовом количестве сигаровидные грузила представлены в коллекции раннебронзового поселения Имбиряй 1 [Волков, 2004].

Таким образом, полагаем, что в момент своего появления глиняные грузила различных форм обладают несомненными культурно-диагностирующими признаками. Стержневидные изделия, вероятно, соответствуют раннелыбаевско-шапульскому пласту, сигаровидные — андреевской культуре и т. д. Однако с течением времени рассматриваемые орудия получают широкое распространение в других энеолитических традициях, становясь неотъемлемой частью их комплекса материальной культуры. Более того, все типы керамических грузил, бытовавших на протяжении энеолита, продолжают свое существование на начальном этапе бронзового века.

Гипотеза, предложенная в работе, отражает сегодняшнее состояние изученности проблемы и источниковой базы. Полагаем, что раскопки новых памятников и полномасштабный ввод в научный оборот неопубликованных материалов позволят скорректировать положения, сформулированные в статье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асташкин В. И., Асташкина О. В., Дрябина Л. А.* Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 29–38.
- Волков Е. Н.* Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 57–70.
- Волков Е. Н.* Поселение Имбиряй-1 // ВААЭ. 2004. № 5. С. 32–37.
- Волков Е. Н.* Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: (Хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 31 с.
- Волков Е. Н.* Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // ВААЭ. 2006. № 7. С. 22–35.
- Волков Е. Н.* Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.
- Волков Е. Н.* Энеолит лесостепного и подтаежного Притоболья // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 47–50.
- Волков Е. Н., Ведерников П. А.* Материалы к археологической карте Ингальской долины // ВААЭ. 2001. Вып. 3. С. 130–137.

кина, 2005. С. 80, рис. 9, 3, 4; с. 144, рис. 34, 4, 5] и ряд других. Однако многослойность данных объектов не позволяет вынести однозначных суждений относительно культурной принадлежности этих изделий.

⁷ В рамках данной работы мы не рассматриваем гипотезы о происхождении андреевских древностей (высказывались миграционная [Ковалева, 1995] и автохтонная [Зах, Фомина, 1999]), пока предпочитаем оставить этот вопрос открытым.

Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век)

- Волков Е. Н., Чикунова И. Ю. Энеолитический комплекс поселения Липихинское-5 // ВААЭ. 2006. № 7. С. 36–48.
- Зах В. А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 26–36.
- Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.
- Зах В. А., Фомина Е. А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 14–21.
- Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препр. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с.
- Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-2. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 132 с.
- Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро-13. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 160 с.
- Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск: ТГУ, 1979. С. 15–25.
- Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Матвеев А. В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 118–128.
- Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль-1 и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопр. археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1976. С. 38–48.
- Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Ткачев А. А., Волков Е. Н. Исследование раннего строительного горизонта поселения Оськино Болото // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 17–23.
- Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото // ВААЭ. 2006. № 7. С. 241–248.
- Усачева И. В. Сазык-9 — сезонное поселение эпохи энеолита в Тоболо-Исетском междуречье // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. С. 103–113.
- Чауркина Н. М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита: (Проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1997. Вып. 4. С. 26–39.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article summarizes data on earthenware sinkers which existed on the territory of Tyumen low Tobol basin from the Aeneolithic period to early Bronze Age. A particular attention is paid to cultural and chronological attribution of different-type earthenware sinkers. The set up hypothesis says that the earliest of the articles being rod-like ones, current among the bearers of the early Lybayevo and Shapkul cultures. The origin of the sinkers with split ends ("reelers") is associated with the bearers of the Lipchinskoye ornamental stereotype penetrating into the region, and that of cigar-shaped sinkers — with the population of the Andreyevo culture, while the time of biconical sinkers being limited by the sites of the Bajryk and late Lybayevo circle. The author supposes that the earthenware sinkers were of cultural and diagnostic significance only at the early stages of their existence, getting then an integral part of the material culture with the bearers of other stereotypes developing in the forest-steppe and sub-taiga low Tobol basin during the Aeneolithic period and early Bronze Age.

Earthenware sinker, early Bronze Age, rod-like sinkers, biconical sinkers, "reelers", cigar-shaped sinkers, the Andreyevo culture, the Lybayevo culture, the Shapkul culture, the Lipchinskoye culture, the Bajryk culture, the Imbiryaj type of sites, Tyumen low Tobol basin, northern forest-steppe, sub-taiga zone.